

УДК 342

КОНСТИТУЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА ПРИ ОБРАЗОВАНИИ НОВОГО ГОСУДАРСТВА

*А.Н. Пугачёв,**доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат юридических наук, доцент*

Конституция может рассматриваться как учредительный правовой акт – первопричина государственности. США в этом отношении – характерный пример, поскольку на месте колониальных штатов «отцы-основатели» стремились закрепить установленный ими внутренний порядок, пошли на решительный разрыв с метрополией с намерением создания собственного государства на принципиально иных основах. Создание государственности шло параллельным курсом с учреждением основного закона, всё начиналось с «чистого листа» и первым написал об этом А. де Токвиль [1, с. 51].

В этом усматривается очевидное преимущество американского пути развития.

В современной научной литературе [2, с. 407] принято обращать внимание на тот факт, что борьба за независимость английских колоний в Америке рассматривается учёными как «американская революция», хотя лидеры её опирались на традиционные английские принципы права («No taxation without representation») и первоначально требовали только ограниченного самоуправления. Как пишет Нил Фергюсон [3, с. 144], известный лозунг Сэмюэля Адамса «Нет налогов без представительства» знаменовал не отказ от британского духа, скорее – его решительное утверждение.

Образование республики в виде США стало революцией тогда, когда английские переселенцы окончательно порвали связь с британской короной (и с британским парламентом), одновременно доказывая, что и государства с большой территорией могут жить по республиканской конституции. Ранее, как известно, почти все теоретики демократии (тогда республикой называли то, что мы сегодня – демократией) были убеждены, что демократическое устройство возможно только в небольших сообществах, наподобие античных полисов.

Следуя чёткой исторической хронологии зафиксируем, что образование независимого государства в США состоялось всё же раньше принятия федеральной конституции, поэтому утверждения типа «каждое государство берёт своё начало именно с конституции» [4, с. 162], мягко говоря, не соответствуют действительности. Но если вести отсчёт от Декларации независимости 1776 года, то американскую «конституционную революцию» можно во временном отношении значительно «растянуть».

Особенность этой «конституционной революции» А.Н. Медушевский [5, с. 151] усматривает в том, что во время неё не происходило радикального внеправового изменения социальной системы, а речь шла скорее об изменении политических и правовых параметров. Но не следует забывать и о том, пишет К.В. Арановский, что «до принятия Конституции США народы штатов уже имели конституционный опыт (так, действующая Конституция Массачусетса дати-

руется семью годами раньше федеральной американской Конституции), как и предысторию союзнических отношений. Конституцию США поэтому приняли не без возражений, но всё же с готовностью...» [6, с. 207]. Первым ратифицировал Конституцию самый маленький штат – Делавэр.

Интересное наблюдение предлагает М.Ф. Чудаков. Он пишет о том [7, с. 145], что Британия не приняла писаную конституцию в виде отдельного акта в числе прочего и потому, что такая конституция впервые появилась на территории бывших североамериканских британских колоний, которые образовали Соединённые Штаты. Можно предположить, что английские правоведы и политики посчитали обидным для себя, что на территории колоний, где проживали, как они полагали, необразованные, примитивные колонисты, и к тому же «бунтовщики», вдруг приняли конституцию, тогда как Британия этого не сделала.

Поэтому, возможно, они и не стали ничего менять в своей системе. Бывший доминион Великобритании – Новая Зеландия – возможно, не принимала и не принимает конституцию в порядке солидарности со своей «матерью-родиной», ибо абсолютное большинство жителей Новой Зеландии (коренных племён маори очень мало) – потомки английских колонистов.

В XX веке принятие многих конституций также означало учреждение совершенно новых по своей природе государств. Верно отмечено [8, с. 35], что во всех странах Азии, Африки, Латинской Америки, Океании, освобождавшихся в 50–80-е годы XX века от колониальной зависимости, принятие конституций (иногда дарованных метрополией) означало юридическое признание первоначального образования государства в прежнем колониальном обществе. «Конституции и создаются для того, – подчёркивает А. Шайо, – чтобы организовавшиеся в новое государство нации могли заявить всему миру: вот, мы существуем. Если новорождённый кричит, значит он жив» [9, с. 25]. Всего таким путём возникло более 130 новых государств.

Ситуация с Африкой наиболее симптоматичная. «Вот уже чего всегда хватало при деколонизации, – пишет П. Джонсон, – так это конституций на бумаге. По иронии судьбы, Британия, которая никогда не имела собственной конституции, в 1920–1975 годах подготовила более 500 конституций для своих колониальных территорий. Большинство из них просуществовало несколько лет, некоторые – несколько месяцев, другие вообще не вступили в действие и ни одна не уцелела до 80-х годов. Европейские империи начали с патернализма и отрицания политического духа, а закончили диаметрально противоположным образом – чрезмерной демократизацией и политическим гигантизмом. Серебряный век империи был полон конференций и составлений конституций» [10, с. 92]. Появление новоиспечённых государств-членов ООН резко подорвало её эффективность, нивелировало европейские стандарты.

В большинстве появившихся «конституционных» государств уничтожение господства закона происходило параллельно с моральным падением вождей-президентов, ростом коррупции и экономической разрухой. «Племена с флагами» [11, с. 270] – лучше и не скажешь. Исключения, конечно же, были. В основном речь идёт о бывших английских колониях (Индия, Гонконг, Сингапур, Ямайка). Джон Кампфнер, изучая самую «густонаселённую демократию мира», приходит к выводу: «Конституционализация достижений Индии за 60 лет неза-

висимости впечатляет. Эта страна с населением, превышающим 1 миллиард человек, с 2 тысячами этнических групп и 200 языками неуклонно, за исключением короткого периода (правления Индиры Ганди), следовала путём многопартийной демократии, разделения властей, независимого правосудия и защиты свободы выражения» [12, с. 201].

Между тем, «английские власти дважды принимали конституции для Индии (в 1919 и 1935 гг.), однако индийцы считают своей первой конституцией Основной Закон 1950 года, который был принят через 3 года после обретения независимости в 1947 году» [13, с. 107]. О том, почему и как в английских колониях утвердился конституционализм, убедительно пишет Нил Фергюсон [3].

В Европе в 90-е годы XX века происходили иные процессы, и связано это с распадом существовавших стран и образованием на их территории новых государств (это касается бывших СССР, Чехословакии, Югославии). Беларусь, по нашему мнению, не может быть причислена к этому ряду.

Если брать в расчёт первую Конституцию БССР 1919 года, то она не предусматривала суверенности новообразования и ни о какой реальной государственности речи не было. Принятие в 1994 году Конституции суверенного государства произошло уже в условиях состоявшейся независимости, берущей начало с 1991 года – момента распада СССР, где наша республика была на правах субъекта федерации.

Список использованных источников:

1. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль; пер. с фр. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
2. Паліталёгія. Асноўны курс. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. – 680 с.
3. Фергюсон, Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Н. Фергюсон; пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.
4. Попов, Е.А. Конституции мира – ценности цивилизации / Е.А. Попов // Право и политика. – 2013. – № 2. – С. 162–168.
5. Медушевский, А.Н. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. – 2003. – № 2(43). – С. 148–166.
6. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. – 658 с.
7. Чудаков, М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. пособие / М.Ф. Чудаков. – Минск: ООО «Новое знание», 2001. – 576 с.
8. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
9. Шайо, А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо. – М.: Юрист, 1999. – 292 с.
10. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы: в 2 т. / П. Джонсон; пер. с англ. В. Атанасов, Д. Матев. – М.: Аноубис, 1995. – Т. II. – 480 с.
11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.
12. Кампфнер, Дж. Свобода на продажу: как мы разбогатели – и лишились независимости / Дж. Кампфнер; пер. с англ. С. Львовского. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 414 с.
13. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.): монография / М.Ф. Чудаков. – Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.